

Слепчина Надежда Ехиеловна

ТРАДИЦИОННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В КОМИ КУЛЬТУРЕ  
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.

Специальность 07.00.07 — этнография, этнология и антропология

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Ижевск

2006

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

- Научный руководитель: – кандидат исторических наук  
Николай Дмитриевич Конаков
- Официальные оппоненты: – доктор исторических наук, профессор  
Никитина Галина Аркадьевна  
– доктор исторических наук, профессор  
Семенов Виктор Анатольевич
- Ведущая организация: – ГОУВПО «Пермский государственный университет»

Защита состоится « » \_\_\_\_\_ 2006 г. в \_\_\_\_\_ часов  
на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 при ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г.Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»

Автореферат разослан « \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2006 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлева

## Общая характеристика работы

**Актуальность исследования.** Этнография детства является неотъемлемой частью изучения традиций любого народа. Во взглядах на воспитание детей сконцентрированы базовые мировоззренческие и обыденные представления людей, поскольку именно они подлежат трансляции следующим поколениям. Это делает очевидным огромное значение изучения вопросов социализации и воспитания детей для понимания многих сторон любого общества.

Исследование традиционного воспитания тесно связано с такими понятиями как социальное наследие и культурная трансмиссия. Если объективированная сторона социализации более или менее исследована, то субъективный план этого процесса, то, что связано с этнопсихологическими характеристиками, отвечающими принятым в культуре нормативным «канонам» человека, этническому автостереотипу, только начинает осознаваться и внедряться в этнопедагогические работы. И здесь важно не только узнать, какие социально-психологические критерии определяют этничность, но и понять тот механизм, с помощью которого та или иная этническая группа «передает себя по наследству» своим новым членам и, прежде всего, детям. В современном мире эта проблема социализации особо актуальна для этносов, переживающих конфликт со своими традициями, к числу которых можно отнести и коми.

Обсуждение проблем общей теории современного воспитания детей направлено на междисциплинарный синтез, в достижении которого существенная роль может быть отведена разработке вопросов этнопедагогики, обнаруживающей тесные взаимосвязи с фольклористикой, этнографией детства, этносоциологией, этнопсихологией. Культуротворческая парадигма, взятая за основу современного воспитания, по определению должна быть основана на более глубоком понимании специфики традиционного воспитания того или

иногo этноса. Предпринятое исследование может быть представлено как один из шагов в направлении к синтетическому пониманию этнопедагогики.

Вопросы, так или иначе связанные с традиционным воспитанием, или, шире, с этнографией детства в коми культуре, поднимаются во многих этнографических исследованиях. Однако, как правило, они интерпретируются в контексте реконструкции традиционных мифологических, ритуально-магических или религиозных представлений. Эти разнородные и разрозненные данные требуют систематизации и научного осмысления. Данное исследование является первой попыткой обобщения накопленного материала по традиционному воспитанию и специального изучения механизмов социализации детей в коми традиционной культуре.

**Степень изученности проблемы.** Изучение традиционных форм воспитания и становление этнографии детства как особого научного направления связано с целым рядом имен зарубежных этнографов (Б. Малиновский, М. Мид и др.). В их исследованиях рассмотрены многие общие социокультурные проблемы детства, такие как особенности формирования личности ребенка в разных культурах, половозрастной символизм, процессы взросления и социализации детей, межпоколенная трансмиссия культуры. Под влиянием этих работ в XX веке в европейской науке возникло целое направление кросскультурных исследований детства.

Миру детства довольно большое внимание уделялось в дореволюционной русской этнографии и фольклористике. Начиная со второй половины XIX в. до начала XX в. обильные данные были собраны Русским географическим обществом, Академией наук, Этнографическим бюро князя В.Н. Тенишева, рядом губернских статистических комитетов. Для дореволюционных этнографических исследований характерны постановка и решение узких проблем воспитания детей в крестьянской среде, касающихся преимущественно вопросов физического и нравственного воспитания, роли игр и игрушек, загадок в социализации детей.

В отечественной науке XX в. в изучение вопросов воспитания детей в различных культурах самым активным образом включились педагоги. Во второй половине прошлого столетия этнографами собран большой фактический материал о педагогической теории и практике различных народов СССР (позже России), обрядах детского цикла, традиционных методах трудового воспитания детей. За тридцать лет, с 50-х по 80-е годы, только на русском языке появилось более двухсот работ по народной педагогике. Г.Н. Волков, исследователь традиционной педагогики чувашей, даже ввел в оборот термин «этнопедагогика» для особой отрасли знания, предметом которой он считает народную педагогику как совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, объективированного в обычаях, обрядах, детских играх и игрушках.

Исследователями народной педагогики как научного направления, в частности, Е.Л.Христовой (1988), в развитии самой этой историко-педагогической дисциплины выделяется три этапа, отражающих качественные изменения ее предмета и методов.

1 этап (с 1917 по 1955). В советской литературе проблема народной педагогики была поставлена этнографом Г.С. Виноградовым. Его заслуга в том, что он попытался утвердить право существования народной педагогики как термина и как явления, дал первое в советской науке описание этого понятия и наметил некоторые основные положения народной педагогики. В 1928 г. вышла в свет написанная на основе многопланового изучения детского фольклора с привлечением сведений семейно-бытового фольклора неславянских народов Волго-Камья работа О.И. Капицы. В ней традиционная педагогика рассматривалась в этнографическом аспекте – как традиционная педагогическая мысль и традиционное воспитание определенной этнической общности.

В Коми крае, как и в целом по России после революции, наблюдалось оживление краеведческой работы. Во многом этому способствовало учреж-

дение в 1923 г. Общества изучения Коми края. В журнале Общества опубликованы интересные материалы, проливающие свет на некоторые стороны традиционного процесса социализации детей и воспитания. В «Программе по историко-этнографическому изучению Коми края» (1924), составленной одним из активных руководителей Общества А.С. Сидоровым, впервые появился специальный раздел по изучению семейных отношений, системы народного воспитания детей. Специальный подраздел был отведен изучению терминологии родства. В работе А. Грена «Зырянская мифология» (1924) находим мысли о связи анимизма коми с детским фольклором. В статье В.П. Налимова «К этнологии коми» (1924) содержатся некоторые антропологические данные, касающиеся физического развития детей. Интереснейшие материалы и выводы, хотя и не бесспорные, о половом развитии и воспитании детей у коми обобщены в работе врача И.С. Коканина «Половая жизнь коми (зырянской) молодежи» (1929). Сведения о возрастной периодизации детей, о магических представлениях, связанных с детьми, можно найти в работе А.С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» (1928).

Второй этап (с 1956 по 1969) характеризуется развитием интереса к вопросам народной педагогики, понимавшейся, прежде всего, как устное народное творчество, хотя в этот период и начали звучать призывы включить сюда и воспитательную практику. В советской литературе 1950-1960-х гг. послевоенного периода особый акцент делался на разработке теоретических и практических вопросов этнопедагогики народов мира. В 1958 г. появилась книга В.Н. Белицер «Очерки по этнографии народов коми», в которой определенное внимание было уделено крестьянской семье и воспитанию детей. В этом исследовании рассматриваются традиционные семейные отношения, участие детей в трудовой и обрядовой жизни общины.

Начиная с 1970 г. появляются работы, характеризующиеся ростом интереса к теоретическим вопросам, расширением временного диапазона исследований, обогащением их проблемного состава. Исследования проводились в

двух направлениях: этнографическом (воспитание рассматривалось как общезычное явление) и социологическом (народная педагогика трактовалась как творчество народных масс, противостоящее официальной линии в области воспитания). Для этого периода отмечается механистическое противопоставление этнографического и социологического подходов, а также отрыв изучаемых явлений от целостной системы культуры того или иного общества, характерный для многих работ этого периода.

Именно рост интереса в 1970–1990-х гг. к проблематике этноса и формирования этнического в культуре обусловил понимание огромной роли изучения социализации детей. Разработку этих вопросов заметно продвинули этнографические работы, подготовленные по единой программе И.С. Кона. Данная программа позволила в большей мере преодолеть фрагментарность, дала возможность сравнивать, проводить параллели между формами социализации детей и подростков у разных народов. В 90-х гг. прошлого века вышли обобщающие работы по этнографии детства у народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа, странах зарубежной Европы, народов Австралии, Океании и Индонезии. В них впервые предпринята попытка провести сравнительно-типологический анализ семейной обрядности и обычаев, сопровождавших рождение и воспитание детей на материалах этнографии многих народов мира. Нужно отметить, что исследования последнего десятилетия XX в. являются фактографической и методологической базой при изучении региональных и локальных традиций, в том числе и коми.

Говоря об исследованиях по финно-угорским культурам, нельзя не отметить, что в последнее десятилетие особенно активно проблемы традиционного воспитания исследуются удмуртскими этнографами и фольклористами (напр., Г.А. Никитина (2004), Е.В. Попова (1992), Л.И. Долганова (1995, 1996), И.А. Морозов (1998)).

Тема детей и детства в культуре коми затрагивалась в работах современных исследователей отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. И.В. Иль-

ина в целом ряде своих работ рассматривает родильную обрядность, традиционные способы ухода и лечения новорожденных и маленьких детей. Вопросы семейной обрядности, в частности, родильной рассмотрены В.А. Семеновым (1992). Традиционные формы досуга сельского населения, детей и молодежи описаны и проанализированы Д.А. Несанелисом (1994). Детская игровая традиция коми рассматривались А.Н. Рассыхаевым (2001). Трудовое воспитание детей у коми крестьян изучалось Н.Д. Конаковым (1985) и В.В. Соловьевым (1983). Мифологическим представлениям коми, связанным с миром детства, посвящен ряд статей О.И. Уляшева (2000).

**Объект и предмет исследования.** Объектом данного исследования является система воспитания детей в традиционной культуре коми.

Предмет диссертационного исследования – механизмы социализации детей, основные этапы, формы и способы традиционного воспитания. Особое место здесь занимает сфера будничного общения детей и взрослых.

**Хронологические рамки исследования.** Хронологические рамки исследования определяются периодом второй половины XIX – первой трети XX в. Нижняя граница связана со временем появления первых этнографических очерков о коми, верхняя – соотнесена со временем, с которым связаны воспоминания основных информантов, зафиксированные нами в 1980-1990 гг. Нужно отметить, что верхняя граница достаточно условна, поскольку привлекаемые данные охватывают и современное состояние некоторых аспектов традиционного воспитания, однако эти сведения, в целом, проецируются нами на состояние традиции обозначенного периода.

**Территориальные рамки** данного исследования ограничиваются административными границами Республики Коми, являющейся местом компактного проживания коми. В качестве сопоставительного материала используются данные по севернорусским (и шире, славянским) и финно-угорским традициям.

**Цель диссертационного исследования** - многофакторное изучение традиционного воспитания детей в коми культуре, направленное на выявление наиболее важных составляющих процесса социализации детей.

В соответствии с выдвинутой целью ставятся следующие **задачи**:

- систематизация эмпирических этнографических, фольклорных, лингвистических данных, касающихся традиционного воспитания коми;
- определение и характеристика основных этапов и форм социализации детей в традиционной культуре коми;
- анализ практических и символических способов трансляции социокультурного опыта в традиционной культуре коми.

**Методологическая основа исследования** обусловлена широким кругом источников, а также многоаспектностью самой проблемы традиционного воспитания.

В качестве концептуальной основы исследования взято положение семиотики культуры о пространственном структурировании картины мира, которое является моделью, организующей все другие ее уровни. Ребенка в процессе его взросления в такой модели традиционной культуры можно представить как «героя», передвигающегося в пространственном континууме культуры в соответствии с сюжетом, предопределенным мифоритуальным сценарием жизненного пути. Культурно-семиотический подход, предполагающий апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса, где значимым признается то, что является значимым с *их* точки зрения, обусловил обращение к нарратологическому методу, который оправдывает себя, в частности, в изучении автобиографий. Гуманитарная наука последнего времени все увереннее говорит о нем как о весьма продуктивном для объяснения динамических образцов человеческого поведения. С этих позиций воспоминания наших информантов о своем детстве не рассматриваются как лишь лингвистическая форма реальности, а скорее как формы, которые структурируют наше восприятие мира и себя. Повествование, таким образом,

может рассматриваться как набор норм, не только предписывающих то или иное поведение в жизненных ситуациях, но и определяющих, как тот или иной случай может быть интегрирован в некий обобщенный и культурно установленный канон.

Характер поставленной цели и используемых источников предполагает также широкое использование семиотических методов, оправдавших себя при изучении многих этнологических проблем. Среди использованных в диссертации этнографических исследований особое место в методологическом плане занимают работы по семиотике традиционной культуры А.К. Байбурина, цикл работ Т.А. Бернштам, посвященных возрастной стратификации и символизации в русской традиционной культуре.

Поскольку в данном исследовании не ставилась задача изучения историко-культурных процессов формирования традиции в диахроническом аспекте, внимание было направлено, прежде всего, на синхронический аспект бытования традиционной культуры. Синхронический метод, использованный в работе, позволил описать бытование традиции в определенных временных рамках и выявить ее признаки на основе сопоставительного анализа разных фактов культуры. Проведено сравнительно-типологическое изучение тех механизмов социализации, посредством которых ребенок приобретал значимые для этноса национальные черты. В работе использован и ареально-географический метод, который дал возможность выделить как общее, так и отличительное, особенно в происходящих одновременно событиях и явлениях.

В исследовании применялись методы полевых этнографических исследований и массового анкетирования. Основным способом получения первичной информации служил опрос, который применялся в виде индивидуальной беседы с информантами по определенной программе или без нее. Вербальная информация была собрана путем опроса по заранее подготовленным вопросам, а также в ходе непосредственной беседы. При этом широко

применялся метод интервью, особенно в случаях, когда требовалось углубленное изучение этнокультурных характеристик.

Ключевую роль в процессе разработки настоящего исследования сыграла методика комплексного изучения этнографии детства, разработанная И.С. Коном, и реализованная в этнографических исследованиях. Согласно этой методике в данном исследовании социализация детей в традиционной культуре коми зырян должна описываться и может быть понята только в контексте всего образа жизни и особенностей мировоззрения этого этноса.

Методика междисциплинарного интегративного исследования связана, прежде всего, с определением критериев интерпретации имеющихся фактических данных. Это касается тех разделов, где была сделана попытка соотнести этнографические, соционормативные и биологические, психофизиологические оценки фиксируемых процессов взросления ребенка. В рамках этнометодологии рассматривается проблема исследования этнокультурной специфики, возрастной периодизации и детерминации зон ближайшего развития, т.е. того, какими должны быть содержание и динамика воспитания детей различного возраста в различных этнокультурных условиях.

**Источниковедческая база.** Все источники можно разделить на три группы: собственные полевые материалы, данные опубликованных краеведческих очерков, заметок XIX – начала XX вв. и фольклорно-этнографические работы XX – XXI вв.

Основной корпус этнографических описаний представлен авторскими полевыми материалами, собранными в ходе экспедиций с 1987 по 2003 гг. в Республике Коми. Кроме того, значительный по объему материал собран студентами филологического факультета КГПИ по специально разработанному нами вопроснику. Все пункты (99 вопросов, без учета подвопросов) вопросника по традиционной системе воспитания коми концентрируются вокруг следующих основных тем: символический статус ребенка в традиционной культуре коми, хронологические границы детского возраста и связанная с

ней возрастная мифоритуальная практика взрослых, традиционные отношения в семье, половая социализация и усвоение половых ролей, поощрения и наказания, игровой фольклор. Особое внимание уделялось выявлению возможных терминологических вариантов обозначения того или иного явления.

Самую общую и довольно скудную информацию о детях в традиционной культуре коми XIX в. мы находим во многих этнографических заметках (В.Н. Латкин, А. Попов, В. Аврамов, К.А. Попов) и беллетристических произведениях (П.В. Засодимский, А.В. Круглов) . А. Држевецкий, лекарь Усть-Сысольского уезда, в своей докторской диссертации рассматривал особенности семьи и быта коми народа и затрагивал некоторые вопросы воспитания. Заметки о трудовом воспитании детей можно обнаружить в книге С.В. Мартынова «Печорский край». Однако, в целом, дореволюционные краеведческие описания отличаются субъективностью и эмоциональностью.

В исследовании также использованы этнографические, фольклорные и лингвистические данные, которые были опубликованы в работах послереволюционного периода XX–начала XXI в. по традиционной культуре коми (А.С. Сидоров, В.П. Налимов, В.Н. Белицер, В.А. Семенов, Д.А. Несанелис, В.Э. Шарапов, И.В. Ильина, Ю.Г. Рочев).

**Научная новизна** диссертационной работы определяется следующими положениями:

- впервые осуществлено специальное исследование традиционных форм и методов воспитания детей в коми культуре. В научный оборот вводится большой спектр ранее не публиковавшихся этнографических материалов;
- предпринята попытка анализа основных этапов, форм и механизмов социализации детей в коми традиционной культуре;
- показана взаимосвязь основных соционормативных и психофизиологических параметров социализации, что характеризует достаточную устойчивость рассмотренной этнопедагогической системы.

**Практическая значимость работы** заключается в том, что на основе достаточно разрозненных данных сведены и систематизированы разноуровневые факты коми традиционной культуры, так или иначе связанные с воспитанием детей. В своей основе рассмотренный в диссертации материал впервые вводится в широкий научный оборот, и, несмотря на свою специальную тематику, затрагивает многие важные стороны жизни традиционного деревенского общества, что позволит использовать его в других исследованиях традиционной культуры коми.

Предпринятое исследование традиционных форм и методов воспитания детей может быть интересным и полезным как для понимания специфики традиционной культуры коми в целом, так и для решения современных этнопедагогических задач. Как автор сам убедился на своем преподавательском опыте, обращение к изучению процесса взросления и социализации детей в другой, отличающейся от современной, культуре, понимание тех механизмов, и особенно обращение к некоторым универсалиям высвечивает и делает более понятными сегодняшние проблемы, играет, может быть, решающую роль в формировании педагогического мировоззрения будущих профессионалов-педагогов.

Как материалы, так и отдельные теоретические разработки, касающиеся специфики традиционного воспитания коми, могут послужить практической и теоретической базой для спецкурсов по этнопедагогике коми.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Система традиционного воспитания коми, в целом, соответствует этнопедагогическим установкам крестьянской культуры, характерным для многих традиций Европейского Севера. В качестве специфических механизмов социализации можно отметить распространенную повсеместно лечебно-профилактическую традицию «мурталом», некоторые отличия в бытовании детской игрушки, особого развития достигает традиция детских «чомиков».

2. Для большинства рассмотренных нами воспитательных мер и действий характерен синтез практического и символического планов, что говорит об их общей направленности на социализацию, культурное “достраивание” ребенка.

3. Бытовавшие в коми традиции методы и способы ухода за младенцами удовлетворяли все первичные психофизиологические и социальные потребности ребенка и сглаживали переломные моменты в развитии ребенка (т.н. кризисы новорожденности, одного года, трех лет и особенно подросткового).

4. Совокупность рассмотренных механизмов социализации детей позволяет говорить о том, что традиционное воспитание в коми культуре сохраняет принцип единства обучения и воспитания. Процесс взросления детей воспринимался в первую очередь в связи с овладением практическими и трудовыми умениями, с которыми в народных представлениях связывается переход на следующую возрастную ступень.

5. Реализуемые традицией первичные гендерные установки, во многом, совпадают с периодом половой самоидентификации детей. Это касается и перехода на соответствующую половозрастному статусу одежду, установки на стыд, дифференциации половых ролей в трудовом и игровом развитии.

6. Для исследованной системы воспитания характерна установка на самостоятельность детей, стимулировавшую процесс авторизации деятельности ребенка. Большинство занятий детей, особенно ролевые игры, моделировали социальные отношения взрослых, их будничную и обрядовую жизнь.

7. Одним из механизмов закрепления соционормативных стереотипов была система поощрений и наказаний. Особую роль в этой системе играли разнообразные вербальные способы программирования поведенческих установок.

8. Биологические потребности ребенка в расширении пространственных и временных границ предваряются освоением социально значимых па-

раметров мировосприятия через овладение семиотикой домашнего пространства, режимом дня и соционормативными правилами поведения в доме. И большинство дальнейших предписаний и запретов, связанных с выходом ребенка за пределы домашнего пространства изоморфны ранее освоенным нормативам.

**Апробация работы.** Отдельные положения и результаты данной диссертации были представлены в ряде статей и докладов на научных конференциях: «Семантика языковых единиц» (Нижний Новгород, 1993), «Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории коми» (Сыктывкар, 1987), «Духовная культура финно-угорских народов» (Глазов, 1997), «Материальная и духовная культура населения Европейского Севера и России XIX-XX вв.» (Яренск, 2003), «Профетическая сущность искусства и культуры» (Нижний Новгород, 2004), «Социальное творчество и культурные коммуникации в прошлом и настоящем» (Нижний Новгород, 2005).

Разработаны и прочитаны спецкурсы для студентов вузов: «Традиционной воспитание народа коми», «Полевые исследования в области традиционной педагогики».

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и указателя информантов. Структурно диссертация построена таким образом, что каждая последующая глава не только расширяет аналитическое поле, но и включает новые аспекты традиционных механизмов социализации детей в коми культуре. Такая логика исследования в определенной мере направлена на устранение имеющихся в современной этнопедагогике пробелов в понимании социализации, которая трактуется, в основном, в функционально-технологическом аспекте (приемы, способы, технологии и т.п. в образовательно-обучающе-воспитательном процессе), и существует явная недооценка роли внешней среды, предметно-пространственного окружения, ритуально-обрядовой, фольклорной специфики каждой конкретной традиции.

### **Основное содержание работы.**

**Во введении** обосновывается актуальность темы, характеризуется степень ее научной разработанности, определены хронологические рамки, цель и задачи исследования. Здесь же дана характеристика источников, изложена научная и практическая значимость диссертации, ее новизна.

**Первая глава** «Основные этапы социализации детей в коми традиционной культуре» посвящена анализу традиционных форм и методов воспитания в соответствии с возрастными границами детства.

**В первом параграфе** главы рассматриваются теоретические вопросы возрастной периодизации в области возрастной психологии (Э. Эриксон, Л. Колберг, Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин и др.) и этнографии (И.С. Кон, Т.Г. Бернштам, А.К. Байбурин, А.А. Панченко). Предваряющая аналитическую работу теоретическая часть связана с попыткой соотнести этнографические наработки в области возрастной периодизации с основными концепциями психического развития человека, суть которых составляет проблема соотношения биологического и социального в психике. Изучение особенностей психического развития детей разных возрастов является предметом традиционной общей психологии, начиная с 20-х годов прошлого века. Анализ психологических подходов к проблеме возрастной периодизации позволяет яснее представить опорные биологические ориентиры для изучения этнического своеобразия вхождения ребенка в мир культуры взрослых. В соответствии с рассмотренными критериями и возрастными границами детства в последующих параграфах главы проведен анализ основных этапов социализации детей в традиционной культуре коми.

**Во втором параграфе** главы рассмотрены практические и ритуально-обрядовые действия, связанные с первым годом жизни ребенка. Описанные способы ухода и общения с младенцем удовлетворяли все первичные психофизиологические потребности младенца (в еде, тепле, движении), также как и потребности, связанные с функциональным развитием мозга (в новых впе-

чатлениях) и социальные потребности (в общении, внимании, поддержке). Ассортимент традиционных игрушек обеспечивал достаточное количество и разнообразие зрительных и звуковых впечатлений. В люльку подвешивали шуршащую, иногда специально крашенную в красный цвет бумагу, цветную тесьму, лоскутки, самодельные игрушки из бересты (птиц, рыбок), популярными были деревянные игрушки (*пу-чача*). Наиболее распространенной игрушкой в люльке были бараньи косточки – *шеги*, которые раскрашивали в разные цвета, делали в них отверстия и подвешивали на веревке над люлькой. Подвешивали гладкие крашеные осиновые палочки. В качестве надувного шара использовался мочевой пузырь зарезанной коровы или овцы, вымытый и затем надутый и перевязанный ниткой. В выборе игрушек для мальчиков и девочек наблюдалась определенная дифференциация: деревянные игрушки, лоскутные мячики чаще делались для мальчиков, лоскутки, нитки, куклы – для девочек, этот факт указывает на значимость ранней половой идентификации детей в культуре.

Синтез двух планов характерен для многих прагматических сторон ухода за ребенком: пеленание, подвязывание ребенка и “развязывание” свободы движений ребенка, укрывание головы, кормление, приучение к туалету и многое другое.

Символический план воспитания детей этого возраста выражен в различных запретах и предписаниях, связанных с уходом и воспитанием, например, запрет на постригание волос, ногтей или особое отношение к ним (календарная приуроченность постригания, необходимость собирать их или проводить с ними ритуальные действия); запрет подносить ребенка к зеркалу, к огню. Проведенный анализ подтверждает то, что в коми деревенской культуре, так же как и у славян, представления о крещении и имянаречении связываются не столько с религиозной, сколько с социальной идентичностью. Рассмотренный материал показывает определенную противоречивость в традиции имянаречения, что может быть связано с сосуществованием нескольких

мировоззренческих установок: это сказалось в бытовании амбивалентных мотивировок наследования внутрисемейных или родовых имен, кроме того, наблюдается определенный компромисс между церковной традицией святцев и мифологическими, ритуально-магическими представлениями об имени, когда дата имянаречения может переноситься на полгода в соответствии с выбранным именем.

Кроме того, важным в социальном плане становится проекция первого года жизни ребенка на годовой цикл, характерный для многих сторон обрядовой жизни традиции. Важность данного этапа роста детей нашла отражение в символическом восприятии всего «первого», имеющего в традиционных представлениях репродуцирующий характер.

**Третий параграф главы** посвящен исследованию следующего возрастного этапа от одного года до пяти лет. В этот период у него развивается способность к идентификации с людьми, половая идентификация, осваиваются специфические движения и действия, связанные с половой принадлежностью. Рост и развитие детей фиксируются в названиях возрастных этапов, которые приобретали при этом аскриптивный характер. Собранный нами лексический материал позволил вычленил внутри периода от рождения до двух-трех лет шесть неявно отраженных в сознании людей этапов развития ребенка: “*пузчужом кага*” (новорожденный ребенок), “*нёнь пом кага*” (грудной, т.е. сосущий грудь ребенок), “*кийыв кага*” (ручной, находящийся на руках ребенок) или “*зыпкан на*” (еще в люльке), “*кыскасьюсь*” (ползает, ползунок) или “*нёль кока*” (на четырех ногах), “*кык кока*” (на двух ногах) или “*кокөн ветлысь*” (ходит ножками, умеющий ходить ножками), “*сёрнитысь*” или “*висьтасян кага*” (говорящий, умеющий говорить ребенок). Сам процесс взросления детей воспринимался в первую очередь в связи с овладением практическими и трудовыми умениями, с которыми в народных представлениях связывается переход на следующую возрастную ступень. К наиболее значимым действиям такого рода можно отнести такие, как “в первый раз пошел”, “ска-

зал первое слово”, “начал пользоваться горшком”, “стал самостоятельно одеваться”, “начал держать ложку и есть за столом” и т.п. По всей видимости, любое действие, совершенное в первый раз, могло отмечаться родителями как знаковое в процессе развития и взросления ребенка, при условии, что оно соответствовало ряду нормативных, положительно оцениваемых взрослыми. Такое повышенное внимание к этому периоду соотносимо с количеством и качеством психофизиологических изменений, которые происходят с ребенком в этом возрасте.

С возрастом в два-три года в традиционном воспитании детей было связано такое важное событие в физиологическом и психологическом развитии ребенка, как отлучение от материнской груди. Этот момент мог совпадать с появлением нового ребенка, с началом самостоятельного хождения (наши информанты отмечают, что дети раньше ходить начинали поздно, в два, а то и в три года), а зачастую и с началом соблюдения поста, т.к. ребенок теперь питался вместе с другими членами семьи. Кроме того, достаточно традиционным было и мнение о том, что чем дольше кормить ребенка материнским молоком, тем здоровей он будет.

Важным в контексте гендерных установок являлся момент перехода на соответствующую полу одежду, который в принципе совпадал с периодом половой самоидентификации детей. Изменение внешнего облика, несомненно, отмечалось как этап роста.

Определенный сдвиг в структуре социальных ожиданий намечался, когда ребенок достигал возраста трех-четырёх лет, именно с этим возрастом в народных представлениях связывалось «появление ума». С этого времени ребенок вступал в период более жесткой регламентации его поведения, требующей все более строгого соответствия половозрастным стереотипам. Это находило выражение как в вербальном общении с ребенком, в словесных поощрениях и порицаниях, так и в снятии запрета на телесные наказания. Однако к детям, не достигшим пятилетнего возраста, не применяли строгих и бо-

лезненных наказаний, и в целом, они сохраняют свою символическую связь с ритуальными операциями «доделывания».

**Четвертый параграф главы** посвящен анализу следующего периода детства от пяти до двенадцати лет, который обладает целым рядом специфических черт, связанных с изменением форм и методов социализации ребенка. С этим периодом связана, прежде всего, половая социализация, обучение ребенка половой роли, которая всегда производна от норм и обычаев соответствующего общества, культуры. Если для предыдущего этапа характерно отсутствие каких-то заметных отличий в требованиях к мальчикам и девочкам, что говорит об отсутствии больших различий в базовых чертах характера, то с этого возраста отмечается все более усиливающаяся дифференциация половых ролей, т.е. половое разделение труда, появляются специфические полоролевые предписания и связанные с ними определенные стереотипы маскулинности и фемининности. Рассмотренный нами материал позволяет говорить о том, что у коми процесс включения детей в трудовую жизнь семьи, мальчиков преимущественно в мужские, девочек – в женские виды деятельности, начинался в возрасте 5-7 лет. Это связано и с тем, что в этот период происходит идентификация с родителем того же пола, и именно в этот период необходимо тесное их общение.

Особая маркированность семилетнего рубежа в жизни ребенка выражается и в изменениях ритуально-обрядового характера. Например, “ритуальная полноценность” семилетних детей в похоронном обряде (умерших до достижения семилетнего возраста не отпевали).

Следующей возрастной ступенью следует считать рубеж в девять-десять лет для мальчиков и двенадцать-тринадцать лет для девочек. Именно в этом возрасте девочка была способна взять на себя практически всю ежедневную домашнюю работу и при необходимости заменить мать, а мальчика в десять лет отец начинал брать с собой на “взрослые” работы.

Приблизительно на этом же возрастном этапе происходила сегрегация детей по полу в свободном времяпрепровождении, а также углублялись изменения в структуре их взаимоотношений.

Существовавшие культурные ориентации детей на мужские и женские сферы труда обуславливали иерархию дифференцированных реакций взрослых на соответствие или несоответствие имевшимся ожиданиям относительно детского поведения. Различия в оценке мальчиков и девочек начинались со времени включения детей в труд семьи и поэтому имели социальную окраску. Важно, что девочек раньше начинали оценивать по их участию в хозяйстве семьи, т.к. их включение в него происходило раньше, чем у мальчиков, иногда с пяти лет. Оценке взрослых подвергались, естественно, не все действия детей, а лишь те, которые были в ряду нормативных. Проведенный анализ позволяет говорить и о том, что традиционному мировоззрению коми в определенной мере свойственно повышенное внимание к социализации мальчиков. Это объясняет большую строгость родителей в отношении сыновей.

Естественным и очевидным маркером перехода девочки в девичество являлись первые регулы. Этот момент мог сопровождаться определенными ритуализированными действиями (мать расчесывала дочери волосы и с благопожеланиями вставляла в волосы гребень), хотя в целом, сама тема регул чаще всего оказывалась запретной даже в разговорах матери с дочерью и среди близких подруг. С этого момента операционная сторона взросления приобретала новый эмоциональный смысл и новое напряжение: девушки начинали готовиться к замужеству.

Важно отметить, что необходимым условием вхождения девочек в новое возрастное сообщество, приобщения их к играм и забавам молодежи был определенный уровень развития практических умений.

Поскольку сама практика социализации мальчиков и девочек не была строго дифференцирована, то, по-видимому, и образы маскулинности и фе-

мининности не были сильно поляризованы, относясь в большей степени к сфере трудовых обязанностей.

Устойчивой чертой традиционного воспитания у коми было предоставление детям относительной самостоятельности и свободы. Вмешательство взрослых в досуг детей могло сводиться к определенной регламентации их занятий, связанной с соблюдением принятых норм будничного и праздничного поведения, территориальных границ, что задавало детям «взрослую» модель поведения. Подобная установка родителей на самостоятельность создавала ситуацию, стимулировавшую процесс авторизации деятельности ребенка, моделей поведения. В такой позиции ребенок выступал как часть психической и социальной общности «ребенок – взрослый», где вторая часть - «взрослый» - была представлена «обобщенным взрослым», т.е. традиционной культурой в целом. Многие занятия детей, особенно ролевые игры, как показывают собранные материалы, моделировали социальные отношения взрослых, где центральным персонажем детской игры (ее «культурным героем»), был взрослый, а идеальной формой развития – задаваемый образец поведения. С проекцией на взрослую жизнь связано магическое отношение к некоторым детским играм, воспроизводящим обрядовые ситуации. С этим связаны достаточно жесткие запреты, связанные с детскими играми в свадьбу, в похороны. Авторизация ребенком социально заданной деятельности проявляется и в фольклорном творчестве.

В целом, в возрасте пяти - двенадцати лет происходит активная дифференциация половозрастных ролей, появляются специфические полоролевые предписания и связанные с ними определенные стереотипы маскулинности и феминности. К концу этого периода практическое участие детей в хозяйственной жизни семьи уже во многом соответствуют взрослым обязанностям. Существовавшие культурные ориентации детей на мужские и женские сферы труда обуславливали иерархию дифференцированных реакций взрослых на соответствие или несоответствие имевшимся ожиданиям относительно дет-

ского поведения. Различия в оценке мальчиков и девочек начинались со времени включения детей в труд семьи и поэтому имели социальную окраску.

**Вторая глава** «Поощрения и наказания детей как механизм культуры» посвящена исследованию традиционной системы поощрений и наказаний в культуре коми. Изучение конкретных ситуаций применения поощрений и наказаний в традиционном воспитании коми, которому посвящена вторая глава, позволяет говорить о том, что в основе их целеполагания лежит соционормативный образ человека и соответствующие ему представления об этапах формирования личности ребенка.

**В первом параграфе главы** «Вербальные оценки детей как средство воспитания» рассмотрены некоторые стороны процесса взросления и социализации детей, нашедшие отражение в вербальных оценках, поговорках и фольклорных текстах (колыбельных песнях, потешках и т.д.). Как свидетельствует собранный нами материал, наибольшему количеству вербальных оценок подвергаются качества и поступки ребенка, связанные со сферой труда. Таких словесных реакций мы насчитали около семидесяти. Большую группу слов и словосочетаний составляют реакции взрослых на такие качества, как активность, подвижность, и малоподвижность, робость. Сопоставление словесных оценок с невербальным контекстом позволяет говорить о том, что, например, ум понимался не как интеллект, а скорее как смекалка, сообразительность, способность быстро научиться тем или иным практическим операциям. Поощрялись умение быстро усвоить трудовые операции и способность качественно выполнять их, что для взрослых и было свидетельством смысленности ребенка. Обращает на себя внимание то, что в количественном отношении вербальные характеристики и оценки отрицательного преобладают над положительными. Это явление свойственно многим языкам и культурам и объясняется тем, что негативный моральный долг имеет более ясную оценочную окраску, чем позитивный, выражая ограничивающий характер моральных норм. Оценочные реакции взрослых с точки зрения их роли в фор-

мировании полоролевых ориентаций детей отражают тот нравственный образ, который культивировался на каждом этапе взросления. Описание конкретных способов поощрений и наказаний, принятых в традиционной культуре, и того, как они воспринимались и переживались детьми, представляет специальный интерес.

**Во втором параграфе главы** рассматриваются невербальные способы поощрений и наказаний, при этом акцент делается на их роли в формировании полоролевых ориентаций.

Важно отметить, что наказания, особенно телесные, это та область, где наши данные демонстрируют широкий разброс мнений. Этот факт в диссертации рассматривается не как противоречие, а как характеристика культуры, где все акты поведения складываются в единую картину, в которой не случаен каждый, даже редкий или одиночный, штрих, имеющий свой смысл в общем культурном контексте. Поэтому сведения о том, что в такой-то семье был добрый и ласковый отец, занимающийся с детьми каждую свободную минуту и не допускающий не только телесных наказаний, но и не бранящий детей за проступки, так же важны, как и общая характеристика традиционного стереотипа сурового и молчаливого, внушающего домочадцам уважение и страх отца семейства. Кроме того, необходимо иметь в виду, что высокая степень эмоциональности самих сюжетов, связанных со строгими наказаниями, силой своего воздействия может отбросить в тень более многочисленные примеры доброго и лояльного отношения родителей к детям.

Многообразие конкретных воспитательных воздействий родителей на детей, имевших место в реальных жизненных ситуациях, лишь подчеркивает стабильность мировоззренческих установок (определявших воспитательные задачи), которые, как отмечалось выше, демонстрируют высокую степень однородности. Данный факт можно рассматривать в качестве одного из подтверждений того, что культура коми конца XIX - начала XX века была в зна-

чительной мере гомогенной, сохраняющей установления предков и «культурных героев».

Поскольку стереотипы ожидаемого поведения детей в традиционном обществе зависели в первую очередь от возраста и пола, в данном параграфе рассматриваются применявшиеся в культуре формы порицания и наказания последовательно для каждого возрастного этапа, приводится сравнение, по мере возможности, их использования в отношении мальчиков и девочек.

В диссертации показано, что воспитательные реакции взрослых по отношению к девочкам и мальчикам до четырех - пятилетнего возраста были почти одинаковыми, что говорит об отсутствии существенных полоролевых отличий в ожиданиях взрослых на этом возрастном этапе. Независимо от пола ребенка, в нем воспитывали послушание, аккуратность, навыки самообслуживания, эмоциональную уравновешенность, в этот период происходила интенсивная психологическая подготовка его к участию в трудовой жизни семьи. Со времени, когда дети начинали принимать в ней более активное участие, обычно с пяти – шести лет - происходило изменение отношения к ним взрослых членов семьи. В этом возрасте ребенок вступал в период более жесткой регламентации его поведения, требования строгого соответствия половозрастным стереотипам, и чисто эмоциональное отношение взрослых неизбежно дополнялось требованием и оценкой их поведения. Соответственно и акцент в использовании поощрений и порицаний детей взрослыми смещался в сторону оценки ребенка как помощника в семейном труде, т.е. в сторону его социальной значимости.

В возрасте семи – девяти лет реакции взрослых на поведение мальчиков и девочек начинают приобретать дифференцированный характер. Если мальчикам по-прежнему доставалось в основном за озорство, то девочек начинали больше оценивать по их участию в семейном труде, поскольку в этом возрасте на них переходила большая часть работы по дому и забота о младших детях.

По сравнению с системой наказаний традиционные способы поощрений были более однообразны. По всей видимости, это связано с тем, что большую значимость в глазах взрослых имело отклонение от нормы, нормальное же принималось как должное.

**В третьей главе** «Ребенок в системе религиозно-мифологических представлений коми» рассмотрена взаимосвязь символических форм воспитания с мифологическими и религиозными представлениями.

**В первом параграфе главы** обсуждаются некоторые вопросы, касающиеся символических аспектов воспитания детей в культуре коми: связь символического статуса ребенка с ритуально-обрядовой практикой взрослых, отражение традиционной картины мира в возрастно-специфической деятельности ребенка.

Согласно мифопоэтическому сценарию жизненного пути, характерному для традиционного сознания, дети до определенного возраста представляли собой существа в некотором «переходном» состоянии, связующие мир земной с миром предков. Степень семиотической насыщенности всего, что было связано с детьми, была тем выше, чем младше был ребенок. При этом символическим значением были проникнуты как личные установки родителей, характеризующие степень терпимости к детям, например, отсутствие или легкость наказания и степень эмоциональности в отношении к ним, так и общественные, свидетельствующие о том, насколько желанны и ценны дети для культуры. Индикаторов культурного статуса детей на самом деле множество. Любое взаимодействие с детьми, вербальное и невербальное, а также системы запретов и предписаний проникнуты тем или иным отношением к ребенку, как личным, так и общественным. Самые выразительные из таких индикаторов находятся главным образом внутри наиболее знаковых систем функционирования социума. Прежде всего, это обряды жизненного цикла – родины и похороны детей, а также состояние беременности женщины, как стадия, предшествующая рождению.

Полученные полевые материалы подтверждают и дополняют описанные ранее и находящие параллели в других культурах данные о двойственности отношения к детству. Дети, особенно маленькие, в традиционном мировоззрении коми относились, с одной стороны, к «нечистому» (миру предков), с другой – к ритуально «чистому» ряду. В народном сознании коми находят отражение универсальные представления о ритуальной “бесплодности” новорожденных и весь круг связанных с этим понятий. Повсюду статус крещеного ребенка был выше статуса ребенка некрещеного, мальчика – в целом – выше, чем девочки. Неоднозначным и в целом отрицательным было отношение к внебрачным детям, представлявшим угрозу существующему миропорядку.

Амбивалентное отношение к младенцу нашло свое отражение в сюжетах о «подмененных», внебрачных детях, в колдовских представлениях о сглазе и т.д. Символический статус ребенка проявляется и в ритуально-обрядовой практике взрослых, в которую оказываются задействованы дети: в календарной обрядности, народной медицине, обрядах жизненного цикла.

**Во втором параграфе главы** рассмотрены пространственно-временные характеристики социализации детей в традиционной культуре коми. Традиционная система воспитания регламентировала процесс освоения “геометрии социальных пространств” ребенка того или иного возраста в соответствии с определенной культурной моделью. Культурная заданность пространственных границ жизни ребенка с очевидностью прослеживается с самого его рождения. Представления о “переходном” состоянии младенца обуславливали ориентацию его на локусы, находящиеся в символической связи с иным миром, такие как матицу, печь и защищенное внутреннее пространство жилища в целом. С этим же связано и негативное в целом отношение к выносу младенца на прогулку даже во двор. Выход ребенка из дома во внешнее пространства, а также его возвращение в дом мог сопровождаться

определенными ритуально-магическими действиями, направленными на защиту ребенка от воздействия злых духов.

Пространство избы семантизировалось традиционными ограничениями и запретами по отношению к определенным предметам и локусам (запрет на приближение к травмоопасным местам, запрет близко подходить и трогать руками иконы, играть и шуметь в “красном углу”, запреты, связанные с порогом, сенями, запечьем и т.д.). Дифференцированное восприятие различных частей жилища в дальнейшем обуславливало поведение и занятия детей в них.

Снятие запрета на прогулки при достижении ребенком годового рубежа расширяло географические рамки его жизни, выводя за пределы внутреннего домашнего пространства. Освоение территории двора очевидным образом совпадало с развитием навыка самостоятельной ходьбы и в период с двух до пяти лет происходило преимущественно в играх. Овладение детьми трудовыми операциями маркировало очередную ступень взросления и, следовательно, новый уровень экспектаций со стороны взрослых.

**В заключении** подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы. Анализ проблемы традиционного воспитания в культуре коми дал ответ на ряд вопросов, касающихся этнографии детства, как уже частично рассмотренных в специальных исследованиях, так и впервые поставленных на обсуждение в этнографии коми.

Синкретичный подход к интерпретации фактов народной культуры дал возможность более систематично осветить в настоящей работе процесс социализации детей. Формы и эффективность традиционного воспитания на разных этапах развития ребенка получили психологическое обоснование. Опора на нарративы позволила объединить анализ внешнего (деятельность) и внутреннего (переживание) плана развития /Выготский/, с одной стороны, и дистанцировать восприятие событий с позиции взрослого от восприятия их с пози-

ции детей – с другой. Выявлены причины смягчения кризисных периодов детства в традиционной культуре.

Систематизация обширного этнографического материала позволила рассмотреть взросление детей в двух системах координат: как социально-возрастной процесс в рамках возрастной стратификации общины и в системе возрастного символизма. Описание детства, однако, не является полным без особенностей индивидуального развития, ретроспективное исследование которого по очевидным причинам затруднительно. Указанный аспект социализации, требующий специальной методики, еще предстоит исследовать.

Анализ имеющихся данных позволил прийти к заключению, что процесс социализации в традиционной культуре коми происходил плавно, через постепенное, по мере развития ребенка, включение его в следующую возрастную группу. Этот факт дает основание сделать важный вывод, связанный с тем, что возрастные и полоролевые «диспозиции» /Кон/, выполняемые в семье, вполне гармонировали с более широкой социальной системой, и идентификации ребенка с членами семьи было достаточно для достижения полной зрелости, статуса и участия в делах общины. Обряды перехода в этнографии детства в коми культуре в изучаемый период, по имеющимся данным, существовали в рудиментарной форме, однако единичные сведения указывают на то, что в прошлом подобные обряды могли существовать в более развернутом виде. Примером могут служить манипуляции с волосами девушки с появлением первых регул.

В диссертации предложена периодизация детства в культуре коми. Она основывается на анализе как этнографических, так и лингвистических источников. Как показывает собранный материал, границы периодов взросления не только отражают процесс физического и психического развития ребенка, степень освоения практических и трудовых навыков, но и пропускают его через призму фундаментальных мировоззренческих схем. Весь процесс взросления детей органично вписывался в «тотальную систему отождествле-

ний» /В.Н. Топоров/, характеризующую культуры традиционного типа, в том числе и коми. Семиотический смысл имели практически все требования и запреты, связанные с уходом за младенцами. При этом, чем младше был ребенок, тем более семиотически насыщенными были все действия, связанные с ним. Проекция первого года жизни ребенка на годовой цикл обусловила выделение его в особый этап развития, с завершением которого ребенок получал новый статус.

Важный вывод, который позволяет сделать анализ полученных полевых данных, касается создания культурой благоприятных условий для эффективного присвоения ее норм и представлений. Установка родителей на детскую самостоятельность во всех сферах жизни создавала ситуацию, стимулировавшую процесс авторизации деятельности, моделей поведения, что как раз свидетельствует об их освоении детьми. Подобная позиция ребенка – это позиция субъекта собственного «проектирования» и развития. Такое положение дел может объясняться некоторой психологической компенсацией жесткости иерархии по вертикали «старший – младший», характерную для мировоззрения коми.

Таким образом, в результате проделанного анализа были выделены важные факторы, гармонизировавшие процесс социализации у коми: это, во-первых, определение возраста и статуса ребенка не по количеству лет, а по его реальной физической и социальной зрелости, разрыв между которыми и является причиной возрастных кризисов. Во-вторых, это поощрение самостоятельности и самоорганизации в трудовой и досуговой сферах жизни детей, а также в вопросах их взаимоотношений, что способствовало смягчению кризисных явлений. Отмечено также, что имеющиеся ограничения и запреты в отношении детей были в определенной степени семиотизированы и вынесены за пределы межличностных отношений в область общей культуры этноса.

Специально проведенное нами исследование изменения «географии социальных пространств» детей по мере их взросления позволило с уверенно-

стью говорить о культурной парадигме пространственных границ жизни ребенка с самого рождения.

Значение данной работы обусловлено «узловым» характером самой темы. С точки зрения этнографии, в ней пересекаются все стороны материальной, духовной и обрядовой жизни людей, взглядов, оценок, ценностей и того, что принято называть символической картиной мира. Поэтому материалы и выводы данной диссертации могут быть полезными для других исследований, касающихся как традиционной культуры коми в целом, так и проблем этнопедагогике. Особенностью темы традиционного воспитания детей как объекта исследования является ее стремление к междисциплинарному синтезу, в достижении которого важна предпринятая в данной работе попытка установить и проследить взаимосвязь этнографии с этносоциологией, этнопсихологией, этнопедагогикой, фольклористикой и лингвистикой. В таком синтезе видится актуальность данной работы в практическом плане. Постигание наиболее общих механизмов передачи культуры и знание этнических особенностей, несомненно, могут быть применены в контексте конкретной социально-культурной ситуации.

Практическое использование данной работы в современной педагогике также видится в трансляции опыта смягчения кризисных периодов детства в традиционной коми культуре в парадигму современных воспитательных задач.

**Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:**

1. Слепчина Н.Е. Традиционная этнопедагогика и проблема социальной адаптации личности // Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации. – Архангельск, 1991. С. 124 – 126. (в соавторстве).

2. Слепчина Н.Е. Лексика, отражающая возрастные границы и половые роли в традиционной коми культуре // Слово, образ, текст. – Сыктывкар, 1994. – Вып.2. С. 70 – 79.

3. Слепчина Н.Е. О символизации возрастных границ и половых ролей в традиционной культуре коми // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории коми. – Сыктывкар, 1997. С. 5 – 23.

4. Слепчина Н.Е. Уляшев О.И. К образу мира через образную речь (традиционное воспитание детей у коми) // Известия Общества изучения Коми края. Научно-популярный краеведческий журнал, 2004, №2. С. 58 – 66.

5. Слепчина Н.Е. “От тебя и хула – похвала” // Журнал «АРТ», 1999, №4, С.108-119.

6. Слепчина Н.Е. О возможной этнологической интерпретации одного фрагмента книги Питирима Сорокина «Долгий путь» (поощрения и наказания детей как механизм передачи представлений о мужском и женском нормативном образе) // Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России XIX-XX вв. – Яренск, 2003. – Ч.2.С. 88 – 92.

7. Слепчина Н.Е. Символический статус детства в традиционных представлениях народа коми // Социальное творчество и культурные коммуникации в прошлом и настоящем. Творчество Н.А. Добролюбова и его современников. – Нижний Новгород, 2005. С. 176 – 172.

8. Слепчина Н.Е. Традиции воспитания в дореволюционной коми семье как отражение нормативного образа человека в культуре // Пророческая сущность искусства и культуры. - Нижний Новгород, 2005. С. 147 – 156.

9. Слепчина Н.Е. Пространство и время в коми этнографии детства // Вестник Поморского Университета, 2006, № 5. С. 103 – 106.